

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
10 April 2018

Original: Russian

Совет по правам человека

Тридцать седьмая сессия

26 февраля – 23 марта 2018 года

Пункт 1 повестки дня

Организационные и процедурные вопросы

Вербальная нота Постоянного представительства Российской Федерации при Отделении Организации Объединенных Наций и других международных организациях в Женеве от 27 марта 2018 года в адрес Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека

Постоянное представительство Российской Федерации при Отделении Организации Объединенных Наций и других международных организациях в Женеве свидетельствует свое уважение Управлению Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека и имеет честь просить распространить настоящую вербальную ноту и приложение к ней*, содержащее заявление делегации Российской Федерации по итогам принятия резолюций тридцать седьмой сессии Совета по правам человека, в качестве официального документа упомянутой сессии Совета.

* Выпущено без официального редактирования.

GE.18-05638 (R)

* 1 8 0 5 6 3 8 *

Просьба отправить на вторичную переработку

Приложение к вербальной ноте Постоянного представительства Российской Федерации при Отделении Организации Объединенных Наций и других международных организациях в Женеве от 27 марта 2018 года в адрес Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека

Заявление делегации Российской Федерации по итогам принятия резолюций тридцать седьмой сессии Совета по правам человека (Женева, 23 марта 2018 года)

1. Российская Федерация с сожалением отмечает, что попытка объединения профильных резолюций Совета по тематике терроризма и прав человека не была доведена до правильного результата. В итоговом тексте резолюции A/HRC/37/L.50/Rev.1 существенно сместились акценты и не учтены главные согласованные позиции предыдущих контртеррористических резолюций Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи и самого Совета по правам человека Организации Объединенных Наций. В частности, речь идёт об отсутствии в документе чёткого призыва к активизации международного антитеррористического сотрудничества на основе международного права и Устава Организации Объединенных Наций, указания на центральную роль и ответственность государств в борьбе с терроризмом и экстремизмом, необходимость противодействия внутренним и внешним факторам, ведущим к терроризму, а также обеспечения ответственности террористов на основе принципа «выдай либо суди». Без этих ключевых стандартов международного антитеррора резолюция фактически оказалась выстроена вокруг спорной концепции «противодействия насильственному экстремизму», допускающей оправдание террористов и экстремистов как «псевдоборцов с неугодными режимами», вмешательство во внутренние дела государств под предлогом международного содействия в противодействии терроризму и экстремизму. Считаем недопустимыми «двойные стандарты» в отношении террористов и попытки вывода их из-под уголовно-правового преследования. С учётом этого Российская Федерация не может присоединиться к соавторам данной резолюции или поддержать её исполнение в дальнейшем. Однако Российская Федерация будет, как и всегда, продолжать решительную борьбу с терроризмом в соответствии с международным правом, соблюдая права человека.

2. Российская Федерация последовательно выступает за привлечение к ответственности лиц, виновных в наиболее тяжких международных преступлениях, включая преступление геноцида, как оно определено в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года. Наша страна участвовала в разработке Римского статута Международного уголовного суда, голосовала за его принятие и подписала его 13 сентября 2000 года. При этом мы ожидали, что Международный уголовный суд (МУС) станет мощным инструментом в деле борьбы с безнаказанностью в контексте общих усилий по поддержанию международного мира и безопасности, урегулированию существующих конфликтов и предотвращению новых очагов напряженности. К сожалению, МУС не смог проявить себя как независимый авторитетный орган международного правосудия. На системной основе на различных площадках, в том числе в Генеральной Ассамблее и Совете Безопасности Организации Объединенных Наций, отмечалась неэффективная однобокая и политически ангажированная работа Суда при расследовании им дел. За более чем 10-летний стаж работы количество вынесенных МУС решений крайне мало, в то время как расходы на его деятельность давно перевалили за миллиард долларов США. По этой причине 16 ноября 2016 года Президент Российской Федерации подписал распоряжение «О направлении Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций уведомления об отсутствии у Российской Стороны намерения становиться участником Римского статута Международного уголовного суда». Указанное уведомление было получено депозитарием 30 ноября 2016 года. С учетом этого Российская Федерация не может присоединиться к высокой оценке, которая дается

деятельности МУС в одиннадцатом пункте преамбулы принятой Советом по правам человека резолюции A/HRC/37/L.44 «Предупреждение геноцида». Кроме того, применительно к упоминанию в тексте этой резолюции Канцелярии Специальных советников по предупреждению геноцида и по вопросу об ответственности по защите (ОПЗ) отмечаем следующее. Концепция «ответственности по защите» - относительно новое и не вполне сформировавшееся понятие в международной практике. В связи с этим, следует избегать его произвольного и расширительного толкования, равно как и давать высокие оценки деятельности международных структур, направленной на укрепление ОПЗ. По этой же причине считаем неуместными ссылки в тексте резолюции на деятельность Канцелярии Специальных советников по предупреждению геноцида и по вопросу об ответственности по защите, а также на разрабатываемые ей «правовые рамки» для борьбы с такими преступлениями, не доказавшие свою эффективность на практике. Российская Федерация исходит из того, что главную ответственность за защиту собственного населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности несут государства. Роль международного сообщества при этом может заключаться в оказании экспертного, гуманитарного, дипломатического содействия в выполнении государством этих обязанностей. Решение о принятии в отношении государства принудительных мер может быть принято только Советом Безопасности Организации Объединенных Наций, действующим по главе VII Устава. Любые односторонние действия, нарушающие уставные принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств, ведут лишь к расшатыванию международной стабильности, накоплению элементов хаоса в международных отношениях.

3. Российская Федерация исходит из того, что термин «правозащитники», использованный в принятых Советом по правам человека резолюциях A/HRC/37/L.19 («Права человека и окружающая среда») и A/HRC/37/L.30 («Культурные права и защита культурного наследия»), применяется исключительно в соответствии с одобренной Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Декларацией о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы.

4. Российская Федерация не может поддержать принятые в ходе этой сессии резолюции A/HRC/37/L.32 («Негативное воздействие коррупции на право не подвергаться пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания») и A/HRC/37/L.41 («Вклад в реализацию общей приверженности эффективному решению мировой проблемы наркотиков и борьбе с ней в контексте прав человека»). Мы исходим из того, что проблематика противодействия коррупции и борьбы с распространением наркотических и психотропных веществ не относится к мандату Совета по правам человека, определенному резолюцией 60/251 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 15 марта 2006 года.